

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Д.В. МАКАРОВ

Радикализация ислама в Дагестане: возможности и пределы джихадизма*

Республика Дагестан занимает особое место в исследованиях проблемы распространения радикальных исламистских движений на Северном Кавказе. Именно на ее территории в августе 1999 г. произошла первая и, будем надеяться, единственная в современной истории России попытка вооруженного мятежа с целью свержения действующей власти и изменения конституционного строя под лозунгами джихада (события в соседней Чеченской Республике в то время развивались в русле сепаратизма). Эта акция, несмотря на полный провал, оказала огромное политическое и психологическое влияние на ситуацию в регионе, став прелюдией нынешней фазы конфликта в Чечне. И хотя большинство экспертов и СМИ обсуждают сегодня проблему исламского экстремизма в России прежде всего в контексте чеченского конфликта, именно Дагестан по-прежнему остается, на мой взгляд, наиболее точным барометром, показывающим реальную степень "давления" радикального исламизма.

Данная статья – попытка проследить истоки исламского радикализма в Дагестане, внутренние и внешние факторы, которые привели к его вооруженному столкновению с государством в 1999 г., последствия этих событий для самого радикально-исламистского движения и его будущей роли в общественно-политической жизни республики. В значительной мере мои суждения и выводы основываются на материалах полевых исследований, которые я проводил в Дагестане в 1997–1998 и 2002–2003 гг.

Возникновение радикальных исламских группировок: местные корни

Дагестан не случайно стал плацдармом для распространения ислама на Северном Кавказе – именно здесь к началу XX в. исторически сложилась наиболее глубокая традиция религиозной науки и образования, появилась самая многочисленная прослойка религиозных деятелей, а также наиболее сильные и устойчивые организационные структуры неофициального "народного" ислама в виде *тарикатов* – суфийских братств, возглавляемых наставниками-шейхами. Все это позволило дагестанскому исламу выстоять, хотя и с большими потерями, в условиях жестоких антирелигиозных репрессий и ограничений советского периода.

* Статья подготовлена при поддержке Фонда Дж. и К. Макаруров (грант № 02-73288-000-GSS).

Начало либерализации общественно-политической жизни в СССР при М. Горбачеве создало условия для дагестанского исламского "возрождения". По данным Комитета по делам религий Правительства РД (по состоянию на 2003 г.) с конца 1980-х гг. и особенно после крушения власти КПСС в 1991 г. в республике активно пошел процесс регистрации местных джамаатов (религиозных общин); строительства и восстановления мечетей, количество которых к 2003 г. достигло 1679; создания исламских учебных заведений, в том числе 16-ти высших, 141 медресе и 324 мектебов (школ при мечетях); выпуска религиозной литературы. Кроме того, мусульмане получили возможность свободно поддерживать связи с единоверцами в других странах, совершать хадж в Мекку и получать религиозное образование за рубежом. В республике начали действовать различные религиозные общественные организации, движения и партии.

Организационное оформление радикального исламского движения произошло не сразу. Сначала оно представляло собой разрозненные, состоящие в основном из молодежи джамааты, которые ориентировались на выходца из горного селения Сантлада харизматического проповедника Багауддина Кебедова¹. Он отличался непримиримым отношением к официальному духовенству, жестко критикуя его за сотрудничество с властями и отход от истинных норм ислама. Богословской основой идеологии Багауддина был салафизм – идея очищения ислама от недозволенных новшеств (*бида*) и восстановления религии "праведных предков", то есть мусульман первых поколений (*салаф*) [Видеозапись... 1996]. Эта доктрина, проявления которой прослеживаются на протяжении всей истории ислама, исторически наиболее полное практическое воплощение нашла в Саудовской Аравии, где она фактически является господствующей. Духовным отцом-основателем саудовского салафизма был богослов XVIII в. Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб, из-за чего весь современный салафизм часто называют *ваххабизмом*. Главным противником и объектом критики салафизма всегда был суфизм с присущим ему культом святых и чрезмерным почитанием пророка Мухаммада и шейхов-наставников, в чем салафиты видели опаснейшее нарушение главного принципа ислама – единобожия (*таухид*). Резкое неприятие салафитов вызывали и многие элементы обрядовой практики суфиев. В Дагестане в адрес последних добавились обвинения в запрещенном шариатом ростовщичестве и связях с мафиозными структурами [Интервью... 1997].

Багауддин, получивший традиционное образование у местных дагестанских ученых-алимов, познакомился с салафизмом в основном через литературу и редкие контакты с обучавшимися в СССР арабскими студентами. Он стал приверженцем наиболее жесткого варианта салафизма, делая акцент на особенно провокационном и конфликтном аспекте этой доктрины – *такфире* (обвинении в неверии) и широко используя его против тех мусульман, которые не соответствовали строгим салафитским критериям истинной веры, особенно сторонников суфизма².

Другим базовым элементом идеологии Багауддина было неприятие какого-либо взаимодействия, за исключением самого необходимого, с государственными структурами, которые он рассматривал как кафирские ("безбожные"). Известно, например, что Багауддин даже отказался подавать в суд на газету, допустившую оскорбительные выпады в адрес "ваххабитов", сославшись на недопустимость для мусульманина обращаться к суду "неверных" [Саидов, 2001]. И хотя в начале 1990-х гг. он еще не высту-

¹ Сам себя он предпочитал называть Багауддином Мухаммадом.

² Доходящая до патологии ненависть Багауддина к суфизму отчасти объяснялась его личными амбициями и обидами. Дело в том, что в конце 1980-х гг. он и его люди объединили усилия со сторонниками некоторых тарикатских шейхов с целью смены руководства тогдашнего Духовного управления мусульман (ДУМ) Северного Кавказа, возглавляемого М. Геккиевым, которое они обвиняли в связях с КГБ и нарушении морально-этических норм. Но когда в мае 1989 г. муфтий Геккиев был, наконец, смещен, контроль над ДУМ перешел в руки традиционалистов и суфиев, Багауддин остался не у дел, и с этого момента его антисуфийская риторика становится особенно жесткой.

пал с проповедью вооруженного джихада против существующей власти с целью установления исламского порядка, его радикальные взгляды способствовали превращению джамаатов его сторонников в фанатично настроенные, обособленные от остального общества и враждебные ему группы. Их открытое столкновение с этим обществом было лишь вопросом времени и соответствующих условий.

После создания в августе 1990 г. Исламской партии возрождения (ИПВ), объединившей основные исламские движения и организации на территории СССР, Багауддин и его брат Абас стали руководителями дагестанского отделения этой организации. Лидером же ИПВ был избран известный дагестанский религиозный деятель Ахмад-кади Ахтаев, также придерживавшийся салафитских убеждений, но в более мягком варианте: он выступал, в частности, за диалог с суфиями, за объединение мусульман и их активное участие в общественно-политической жизни России (в 1992 г. Ахтаев даже избирался депутатом Верховного Совета Дагестана). К этому моменту разногласия между его сторонниками и последователями Багауддина настолько обострились, что в августе 1992 г. ИПВ объявила о самороспуске [Интервью... 1998³]. После этого Ахмад-кади создал культурно-просветительскую организацию "Аль-Исламия" (которую он возглавлял до своей неожиданной смерти в марте 1998 г.)³, а Багауддин стал лидером радикального крыла дагестанских салафитов, позднее взявшего название "Исламский Джамаат Дагестана" (ИДД).

Постепенно ИДД стал наиболее многочисленной и влиятельной салафитской группировкой в Дагестане. Правда, точных данных о его численности не существовало, однако достаточно реальной представляется цифра – несколько тысяч человек [Залимханов, Ханбабаев, 2000, с. 72; Бобровников, 2001, с. 91]. Наиболее прочные позиции организация имела в равнинных Кизилюртовском, Хасавюртовском, горных Цумадинском, Ботлихском районах, в Махачкале. Небольшие общины сторонников Багауддина действовали практически по всей республике, за исключением некоторых районов Южного Дагестана. По своему этническому составу ИДД был преимущественно аварским: аварцы доминировали как среди руководителей, так и рядовых членов общин. Чисто даргинские салафитские джамааты сложились лишь в селениях так называемой Кадарской зоны: Карамахи, Кадар и Чабанмахи (Буйнакский район) и Губден (Карабудахкентский район). К концу 1990-х гг. несколько усилился приток в ИДД представителей других дагестанских этнических групп – лакцев, лезгин, кумыков. Наиболее яркой чертой социального облика организации было безусловное преобладание в ней молодежи. Салафитские общины в селах были, как правило, более сильными и многочисленными, чем в городах; каждой из них руководил амир, при котором обычно существовал консультативный совет (шура). Кроме того, в джамаатах был свой судебный орган, решавший спорные вопросы между членами общины на основе шариата. В целом ИДД представлял собой довольно хорошо организованную и отмобилизованную структуру, при этом, однако, некоторые общины (прежде всего, карамахинская), разделяя общие идейные установки движения и признавая духовный авторитет амира Багауддина, сохраняли некоторую организационную и оперативную автономию.

На протяжении 1990-х гг. ИДД активно занимался пропагандистской работой и укреплением своей организационной инфраструктуры. Еще в 1991 г. в Кизилюрте Багауддин официально зарегистрировал медресе "Хикма", в котором обучалось до 700 человек. Небольшие медресе действовали во всех относительно крупных салафитских общинах. Свою пропаганду ИДД осуществлял через подконтрольные мечети, миссионерские поездки своих членов по районам республики, религиозную литературу как зарубежного происхождения, так и выпускавшуюся собственным издательством "Сантлада" (позднее переименованным в "Бадр") – листовки, аудио- и видеокассеты с

³ Его скоропостижная смерть лишила дагестанский и северокавказский ислам единственного лидера, который своим авторитетом еще мог бы как-то сдерживать тенденцию к радикализации.

проповедями самого Багауддина и лекциями радикальных исламистских идеологов. Легальным прикрытием ИДД стал официально зарегистрированный в 1996 г. "Центр Кавказ" с отделениями в Махачкале и Кизилюрте. Постепенно влияние Багауддина вышло за пределы Дагестана и распространилось на другие северокавказские республики, прежде всего на Чечню, Ингушетию, Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию, Ставропольский край (на районы компактного проживания ногайцев). Там также возникли группировки, ретранслирующие идеологию и копирующие методы деятельности радикальных дагестанских салафитов.

Причины очевидных успехов салафитской проповеди в Дагестане и других районах Северного Кавказа достаточно очевидны. Так, в условиях нарастающего экономического кризиса весьма актуально звучал призыв салафитов отказаться от разорительной практики пышного проведения похоронно-поминальных обрядов. Многих привлекали простота и доступность провозглашаемых идей, здоровый образ жизни джамаатов, царящий в них дух братства и взаимопомощи. Салафитское требование строгого поклонения одному лишь Аллаху как бы освобождало индивида от власти патриархальных традиций, обеспечивая высшую религиозную санкцию свойственному молодежи стремлению к самостоятельности и выходу из-под контроля старшего поколения. Наконец, салафизм с его апелляцией к социальной справедливости и равенству и жесткой критикой светских порядков стал удобным каналом выражения протестных настроений, связанных с обнищанием значительной части населения, ростом безработицы, преступности, коррупции и морально-нравственной деградацией общества [Ярлыкапов, 2000, с. 5; Макаров, 2000, с. 26–29]⁴.

Все же понять, почему во второй половине 1990-х гг. среди салафитского движения в Дагестане возобладали наиболее радикальные, экстремистские силы, взявшие курс на вооруженный джихад против российского государства, невозможно без учета трех важных факторов: зарубежной (прежде всего – арабской) помощи; влияния событий в соседней Чечне и недалековидной политики официального дагестанского руководства.

Внешний фактор: религиозное мессианство и/или геополитика?

Говоря о международном влиянии на ситуацию в Дагестане, целесообразно выделить два его аспекта. Во-первых, нельзя не учитывать тот факт, что исламское возрождение в Дагестане началось на фоне мощного всплеска исламского радикализма на Ближнем Востоке. Укажу лишь на самые явные его проявления: победу исламского сопротивления в Афганистане, добившегося в 1989 г. вывода советских войск из страны, а в 1992 г. – окончательного падения бывшего просоветского режима; болезненная реакция значительной части мусульман на размещение американских войск в Саудовской Аравии в ходе кризиса 1990–1991 гг. в Персидском заливе; активная роль радикальных исламских группировок в начавшейся в 1987 г. палестинской интифаде; гражданская война в Алжире, вспыхнувшая в начале 1992 г. после того, как тамошние военные не позволили исламистам воспользоваться плодами победы на парламентских выборах; фактическое объявление войны правительству Египта радикальными исламистскими группировками. Все эти события косвенно способствовали укреплению морального духа сторонников жесткой линии среди дагестанских исламистов.

Во-вторых, с открытием границ СССР в годы перестройки множество зарубежных исламских организаций получило возможность непосредственного присутствия на

⁴ Связь тяги к салафизму с нерешенностью этнополитических проблем на Северном Кавказе минимальна. Хотя как фоновый этнический фактор, безусловно, он играл свою роль. Речь идет прежде всего о балкарцах, считающих себя дискриминируемым меньшинством в собственной республике, и о ногайцах Ставрополя, недовольных национальной политикой краевой администрации. Примечательно, что салафитов среди последних значительно больше, чем среди ногайцев соседнего Дагестана, где этот этнос имеет свой "национальный очаг" – Ногайский район [Ярлыкапов, 1999, с. 63].

Кавказе. Там начали действовать в основном неправительственные благотворительные фонды, базирующиеся в Саудовской Аравии, Кувейте, ОАЭ, Пакистане, Иордании. Они оказывали финансовую поддержку в строительстве мечетей и медресе, издании и распространении исламской литературы, предоставляли гуманитарную помощь, вели миссионерскую деятельность, приглашали молодых российских мусульман на учебу за границу. Среди целей и мотивов всей этой помощи, безусловно, присутствовало искреннее стремление помочь нуждающимся единоверцам и мусульманское религиозное мессианство, особенно характерное для Саудовской Аравии. Не стоит сбрасывать со счета и меркантильные интересы бюрократии благотворительных фондов, для которой программы помощи всегда были хорошим источником дохода.

Однако нет сомнения, что в действиях многих иностранных организаций важнейшую роль играла политическая составляющая. И это позволяет говорить об их стремлении осуществить на Северном Кавказе политические планы, которые, в свою очередь, были составной частью более широкого, глобального **радикально-исламистского проекта**⁵. В основе последнего лежала идея *альтернативной стабилизации*: установление исламского порядка было призвано обеспечить стабилизацию общества, вывести его из социально-экономического, политического и духовно-нравственного кризиса. Далее шли *объединительные планы*: конечной целью было создание единого исламского государства на Кавказе, и в этом контексте они, естественно, были *сепаратистскими* и *антироссийскими*, поскольку предусматривали отделение Северного Кавказа от России. Венчала же проект идея *экспансионизма*: независимый Северный Кавказ рассматривался как плацдарм для дальнейшего распространения ислама в глубь России – на север, к мусульманским республикам Поволжья с перспективой создания единого исламского пространства от Черного моря до Урала.

Необходимо также подчеркнуть, что радикально-исламистский проект для Северного Кавказа, стержнем которого было ослабление позиций России в этом регионе, парадоксальным образом отвечал некоторым политическим и экономическим интересам противников исламистов – как в странах Запада, так и среди ряда умеренных режимов Ближнего Востока. В этой связи целесообразно указать на некоторые его геостратегические цели:

- использовать радикальный исламизм как инструмент геополитического соперничества с Россией (по успешно зарекомендовавшей себя афганской модели);
- отвести от Запада, Израиля и ближневосточных режимов нарастающую волну радикального исламизма, направив ее на другие объекты, в том числе на Северный Кавказ;
- не допустить появления северного, российского маршрута транспортировки каспийской нефти на Запад.

В этом контексте не случайно, что значительная часть финансовой помощи извне направлялась не официальному Духовному управлению мусульман, а параллельным исламским структурам, оппозиционным к власти. Хотя зарубежные спонсоры, объясняя такую позицию, обычно указывали на случаи коррупции и неэффективного менеджмента в ДУМ, однако на деле они были заинтересованы в создании собственных независимых каналов идейного, а затем и политического влияния на постсоветском пространстве⁶.

⁵ Разумеется, речь идет не о каком-то специально разработанном документе, а об определенном устойчивом комплексе идей, которые прослеживаются в работах и заявлениях многих радикальных исламистских деятелей, например А. аз-Завахири – лидера одной из египетских джихадистских группировок и ближайшего сподвижника У. бен Ладена [аз-Завахири, 2001].

⁶ Было бы неверным рассматривать это внешнее влияние как нечто монолитное. В России пытались действовать представители различных, зачастую конфликтующих между собой течений и направлений зарубежного ислама. Наиболее заметными среди них на Кавказе были салафиты, "Братья-мусульмане" и таблиговцы – сторонники базирующегося в Пакистане международного движения "Таблиг ва ад-даава". Нередко свое соперничество они переносили и на российскую почву, еще больше запутывая и разъединяя российских мусульман (подробнее см. [Макаров, 2000, с. 46–48]).

Большинство международных исламских благотворительных организаций, так или иначе связанных с Саудовской Аравией и другими арабскими странами, предпочитали сотрудничать с идейно близкими им салафитами. Со временем основным получателем и диспетчером зарубежной финансовой помощи стал Багауддин, чье имя превратилось в некий пароль, открывающий двери ко многим саудовским финансовым источникам⁷. Его жесткий "ортодоксальный" салафизм импонировал саудовцам куда больше, чем "либеральные", по их мнению, воззрения Ахтаева. Впрочем, арабские спонсоры, слабо представлявшие себе реалии российского ислама и вообще ситуацию в России, зачастую просто не понимали, что внедрение такого варианта ислама приносит больше вреда, чем пользы, провоцируя конфликты, сумятицу и раскол среди российских мусульман.

Вдобавок амбициозный Багауддин был подходящим партнером по осуществлению радикальных планов по вытеснению России с Северного Кавказа и созданию там независимого исламского государства. Ахтаев, напротив, всегда стремился отстаивать право российского исламского движения следовать собственной стратегии, одним из ключевых принципов которой он считал необходимость сохранения нормальных отношений с властью и отказ от насильственных методов исламизации. Так, несмотря на идейную близость ИПВ к "Братьям-мусульманам", Ахтаев сразу отверг привлекательное в финансовом отношении предложение их эмиссаров о присоединении его партии к этой международной ассоциации. "Братья" этого не забыли: когда летом 1992 г. их высокопоставленного представителя из Египта пригласили выступить третьей стороной в споре между Ахтаевым и группой Багауддина, он поддержал позицию последнего (что, кстати, стало последним ударом, разрушившим ИПВ) [Интервью 2003^в].

Багауддин же не отличался щепетильностью по отношению к источникам помощи: среди его спонсоров были, в частности, Фонд "Аль-Харамайн", организации "Аль-Игаса аль-исламий", "Тайба", Всемирная ассамблея исламской молодежи и др.⁸ Даже официальные саудовские власти недавно признали, что упомянутые структуры нередко оказывали поддержку экстремистским исламским группировкам и террористическим организациям, включая "Аль-Каиду". А с мая 2003 г. Саудовская Аравия попыталась приостановить благотворительную деятельность упомянутых структур за пределами своей территории до тех пор, пока не будут выработаны адекватные механизмы финансового мониторинга и контроля, позволяющие исключить использование денег в противозаконных целях [Initiatives... 2003, p. 12].

Таким образом, описанный расклад внешних сил и интересов сам по себе прямо и косвенно способствовал ускорению радикализации дагестанского салафизма и эскалации его конфликта с государством. Деструктивное, дестабилизирующее влияние данного фактора еще более усилил вооруженный конфликт в Чечне.

Джихадизация дагестанского исламизма: чеченский подтекст

Надо сказать, что чеченский сепаратизм, на рубеже 1990-х гг. развивавшийся в основном под националистическими лозунгами, приобрел отчетливую религиозную окраску лишь после начала в 1994 г. военных действий. Обращение некоторых сепаратистских лидеров (Ш. Басаева, М. Удугова, З. Яндарбиева, Х.-П. Исрапилова и др.) к радикальному исламу первоначально определялось чисто прагматическим стремлением привлечь на свою сторону огромные финансовые, политические и людские ресур-

⁷ В частности, именно через Багауддина доступ к иностранному финансированию получил Р. Борлаков – директор медресе в селе Учкеек (Карачаево-Черкесия), превратившейся под его руководством в середине 1990-х гг. в один из основных центров распространения радикальной исламистской идеологии на Северо-Западном Кавказе [Интервью... 2003^в].

⁸ Некоторые люди, близко знавшие своего амира, характеризовали его как человека слишком прямолинейного и доверчивого, чтобы быть хорошим дальновидным политиком [Интервью... 1998^б].

сы мусульманского мира. Но постепенно под влиянием арабских эмиссаров типа Хаттаба и Абу Омара ас-Сейфа, прибывших помочь единоверцам, "исламизировавшиеся" чеченские националисты убедились, что салафизм – удобный канал "экспорта чеченской революции" в другие регионы (о чем речь пойдет ниже).

Видя на начальном этапе войны практически полное отсутствие в чеченском сопротивлении религиозной подоплеки, Багауддин сперва отказался считать его джихадом, утверждая, что это – война одних *кафиров* против других и кто примет в ней участие – будет гореть в аду [Интервью... 2003^а]. Однако под воздействием арабских религиозных авторитетов уже в январе 1995 г. он изменил позицию, призвав своих сторонников принять участие в "чеченском джихаде". С этого времени многие члены ИДД побывали в Чечне, повоевав на стороне тамошних сепаратистов⁹.

Завершение в 1996 г. первой чеченской войны выводом российских войск из мятежной республики и появление квазинезависимой Ичкерии создали целый ряд новых политических, морально-психологических, геостратегических и организационных предпосылок для развития радикального исламизма в Дагестане (да и на всем Северном Кавказе) в направлении милитаризации и джихадизации. Во-первых, отвод армии из Чечни был расценен в регионе как признак слабости российского государства, его неспособности удержать Кавказ. В результате воинственный дух радикальных исламистов еще более окреп, и планка их амбиций резко поднялась вверх. Теперь они не только не боялись российской военной машины, но и поверили в то, что смогут ее победить. Это ослепление силой, обманчивое чувство собственного превосходства отныне неумолимо вело исламистов к новой решительной схватке с Россией.

Во-вторых, возникший союз с радикальными силами Ичкерии прибавил салафитам Дагестана общественно-политический вес в их конфронтации с властями своей республики. А широкая кампания солидарности с чеченским народом, развернувшаяся в исламских странах, убедила дагестанских радикалов в том, что в своих дальнейших действиях они всегда смогут опереться на политическую, финансовую и людскую поддержку мирового исламского сообщества.

В-третьих, у исламистов Дагестана появился долгожданный стратегический плацдарм – неподконтрольная России территория Чечни, на которой можно было создавать военно-тренировочные лагеря и вести оттуда идеологическую и пропагандистскую подготовку нового этапа джихада. К концу войны радикальные исламисты имели достаточно крупные вооруженные формирования, неплохо оснащенные техникой и вооружением, а их бойцы получили практические навыки обращения с оружием и ведения партизанской борьбы. Кроме того, важнейшим последствием боевых действий стало появление в регионе целой сети джихадистских групп, костяк которых составляли ветераны чеченской войны, а также те, кто прошел военно-идеологическую подготовку в чеченских лагерях. Эти группы не были жестко централизованы, но все равно представляли собой ценный мобилизационный ресурс радикального исламизма.

Наконец, в-четвертых, военные действия способствовали пополнению джамаатов различного рода маргинальными элементами, рассматривающими войну как способ существования и заработка. Для этих людей нигилистическое отношение салафизма ко многим традиционным нормам морали и поведения оказались отличным оправданием любых поступков, начиная от элементарного неуважения и насилия по отношению к окружающим и кончая таким видом криминального бизнеса, как похищение и торговля заложниками. Правда, количественный рост некоторых салафитских общин сопровождался заметным ухудшением их "качества". В таких джамаатах религиозным, идеологическим аспектам отводилась лишь второстепенная, вспомогательная роль в решении главной задачи – подготовке "воинов джихада".

⁹ Впрочем, участие кавказской молодежи в чеченской войне не ограничивалось салафитами. Сторонники тарикатизма также ездили в Чечню, поскольку отряды тарикатиста муфтия А.-Х. Кадырова (впоследствии союзника России) в то время активно воевали против федеральных сил.

Вдобавок ко всему этому Дагестан стал объектом прямых территориальных притязаний чеченских исламистов, чье намерение как можно скорее включить соседнюю республику в северокавказский исламский проект было обусловлено издержками попыток исламизации "независимой" Ичкерии. По окончании войны тамошним радикалам удалось занять прочные позиции в таких государственных структурах, как шариатская гвардия, система шариатской безопасности, шариатские суды, опираясь на которые они начали навязывать чеченскому обществу свои порядки. Несправедливые и жестокие наказания, выносимые в таких судах малограмотными судьями; попытки силой заставить чеченских женщин носить исламскую одежду; борьба против продажи и употребления алкоголя или хищения нефтепродуктов, сопровождавшиеся избиениями и публичными казнями людей, уничтожением спиртного, сожжением бензовозов и мини-заводов по перегонке нефти, – все это стало повседневной реальностью исламского порядка, возмущавшего немалую часть чеченского общества [Акаев, 1999, с. 102].

Активность исламистов вызвала раскол и в чеченской элите, вылившийся в июне 1998 г. в крупномасштабное вооруженное столкновение в Гудермесе между сторонниками президента А. Масхадова (в то время боровшегося с воххабизмом) и салафитскими радикалами. Хотя вмешательство Басаева спасло исламистов от серьезного поражения, после этих событий они все же были изгнаны из государственных структур. А салафитские общины превратились в военный придаток радикальной чеченской оппозиции, все более ассоциируясь в глазах населения с обыкновенным криминалом и похищениями людей. Иначе говоря, радикальный исламизм не только не стал фактором стабилизации в Чечне, но лишь способствовал расшатыванию и без того слабой чеченской государственности. По существу, он оказался знаменем маргинальных сил, приволакивавших себя подавляющей части населения.

Неудивительно, что по мере нарастания кризиса исламского проекта в Чечне его сторонники все чаще ставили задачу объединения с Дагестаном. Установление контроля над этой республикой с ее экономическими, демографическими и геостратегическими ресурсами, в том числе выходом к Каспийскому морю, означало бы тяжелейший удар по позициям России на Кавказе. Это автоматически повышало политический и экономический статус Ичкерии в мусульманском мире и тем самым обеспечивало продолжение финансовых вливаний от исламских организаций, которые могли бы несколько смягчить ситуацию в мятежном анклаве.

Между тем в Дагестане радикальные салафитские джамааты даже после временного успеха чеченских сепаратистов не спешили вступать в открытую конфронтацию с властями, ограничиваясь словесной критикой положения дел в республике. Чтобы подтолкнуть дагестанцев к более радикальным шагам, 23 декабря 1997 г. чеченские боевики во главе с Хаттабом осуществили дерзкий рейд в глубь дагестанской территории, напад на дислоцированную в Буйнакске российскую воинскую часть. Практически одновременно произошло подписание соглашения между представителями ИДД и С. Радуевым. Не ограничиваясь договоренностью о взаимной военной помощи "в случае агрессии третьей стороны" [Путь... 1997], это соглашение фактически признавало ИДД единственным легитимным представителем народа Дагестана, что придавало ему провокационный характер.

Последовавшая за нападением на Буйнакс волна репрессий против дагестанских салафитов вынудила Багауддина перебраться в Чечню, откуда он уже в январе 1998 г. начал делать заявления, фактически призывавшие к войне с правительством Дагестана. Произошел коренной поворот в развитии дагестанского радикального исламизма: ИДД начал быстро превращаться в военно-политическую организацию, открыто выступающую за насильственное свержение "безбожного" режима. Альянс дагестанских и чеченских радикалов в апреле 1998 г. был окончательно оформлен созданием "Конгресса народов Ичкерии и Дагестана" (КНИД) во главе с Басаевым. Задачей этой организации была подготовка внутри Дагестана своего рода "пятой колонны" из сторонников исламистского проекта. А для обеспечения военной поддержки этих на-

чинаний был сформирован "исламский миротворческий батальон" под командованием Хаттаба¹⁰.

Важным шагом по осуществлению планов исламистов стало установление полного контроля салафитов над селениями Кадарской зоны. И если само вытеснение оттуда сотрудников милиции в мае 1998 г. произошло в принципе спонтанно (в результате "рутинного" конфликта местных правоохранительных органов и джамаатов), то провозглашение в августе Зоны "независимой исламской территорией", где действовали только законы шариата [Независимая... 1998], выглядело открытым политическим вызовом государству. Это ощущение дополнили действия руководителей КНИД, которые пригрозили вооруженным вмешательством, если власти Дагестана попытаются силой ликвидировать возникший исламистский анклав. В результате Кадарская зона стала надежной базой для расширения салафитской проповеди (там был даже установлен телевизионный ретранслятор), а действовавшее в Карамахи медресе – центром военной подготовки и джихадистской индоктринации дагестанцев. На фоне всего этого позвучала угроза известного идеолога кавказского джихада М. Тагаева¹¹: "Мы освободим Дагестан любой ценой... И без всякого промедления, даже параллельно с освобождением Дагестана мы должны освободить Кавказ... Лето 1999 года должно быть началом решающих битв против империи" [Русская... 1999].

Весь ход дальнейших событий подтвердил серьезность намерений исламских радикалов. Уже 23 марта 1999 г. лидеры так называемого "внешнего Джамаата" (дагестанских салафитов, перебравшихся в Ичкерия и их местных союзников-покровителей) объявили о начале джихада, обратившись к молодежи с призывом вступать в Исламскую армию Кавказа и прибыть в места расположения ее сил со всем необходимым для пребывания в полевых условиях. Сам Багауддин в своих проповедях постоянно выдвигал требование изгнать из Дагестана российскую армию [Молодежь... 1999]. Об интенсификации процесса боевой подготовки джихадистов свидетельствовал рост в весенне-летнее время числа провокаций на чечено-дагестанской границе и нападений на российские подразделения. Наконец, в августе 1999 г. отряды Багауддина и Басаева вторглись в Цумадинский и Ботлихский районы горного Дагестана, а в сентябре – совершили попытку прорваться в глубь республики через Новолакский район. Однако на всех направлениях они были отброшены совместными усилиями российской армии, дагестанской милиции и местных сил самообороны; затем после двухнедельного штурма Кадарский плацдарм исламистов был ликвидирован.

Следует отметить, что воинственную стратегию "внешнего Джамаата" разделяли отнюдь не все члены "внутреннего Джамаата" – салафитских общин в самом Дагестане. Наибольшую поддержку Багауддин имел в горных районах, тогда как в Предгорье и на Прикаспийской низменности многие исламисты считали, что курс на постепенное и мирное расширение влияния ИДД пока не исчерпал себя и что открытая конфронтация с властью, учитывая реальный баланс сил, была бы губительна. Многие члены "внутреннего Джамаата" с подозрением и неприязнью относились и к возросшему вмешательству чеченцев в дела дагестанского ислама [Интервью... 1999]. Разумеется, среди его активистов бытовали достаточно сильные сепаратистские и антироссийские

¹⁰ Такое распределение в КНИД руководящих ролей свидетельствовало о том, что Багауддин, обосновавшийся на территории Чечни, попал во многом в зависимое положение от местных радикалов.

¹¹ Выходец из дагестанского села Ансалта (Ботлихский район) М. Тагаев – автор книг "Наша борьба, или Повстанческая армия ислама" (1996 г.) и "Газават, или Как стать бессмертным" (1999 г.). Он перебрался в Чечню двумя годами ранее Багауддина – в 1996 г., заняв должность заместителя председателя; "Кавказской конфедерации", возглавляемой Яндарбиевым. Тагаева можно рассматривать как представителя воинствующего кавказского сепаратизма. Он никогда не пользовался авторитетом среди дагестанских салафитов. Однако после начала вторжения в Дагестан в августе 1999 г. он, скорее всего благодаря поддержке чеченских полевых командиров, был включен в состав правительства самопровозглашенного Исламского государства Дагестан в качестве министра печати и информации.

настроения, и некоторые из них присоединились к вторгшимся боевикам Басаева. Однако никаких организационных выступлений внутри Дагестана сообщества салафитов не предприняли. Не получилось джихада и в других регионах Северного Кавказа. Вместо того чтобы развернуть боевые действия на местах, как предполагали Басаев, Багауддин и Хаттаб, члены джихадистских групп, наоборот, перебирались в Ичкерню, вливаясь в чеченские вооруженные формирования. Причем нередко эти люди руководствовались не столько идейными соображениями, сколько стремлением скрыться от преследований властей или же просто заработать деньги. Когда же к началу 2001 г. вся территория Чечни была снова занята российскими войсками, "воинам джихада" пришлось перейти к тактике диверсионных действий. Переоценив свои силы и ресурсы, салафиты явно не учли возможности и политическую волю нового российского руководства и его твердое намерение не допустить потери Дагестана и восстановить контроль над мятежной Чечней.

Политика дагестанских властей: противоречивый эффект

Отдавая должное решительности федерального центра, нельзя не отметить, что исламский радикализм на Северном Кавказе в какой-то мере начал выдыхаться естественным путем. Прежде всего стал очевидным главный его изъян – неспособность исламистов создать привлекательную модель исламского порядка. Опыт Чечни в этой области свидетельствовал как раз об обратном: упоминавшиеся выше и иные шаги по исламизации тамошней общественно-политической жизни (особенно усилившиеся после провозглашения Ичкерии в начале 1999 г. исламской республикой) сопровождались такими нарастающим социальным и политическим хаосом, отсутствием безопасности и развалом экономики, что для населения Дагестана чеченская модель суверенизации и исламизации становилась все более пугающей и отталкивающей. Данную тенденцию выявили социологические исследования среди дагестанских жителей [Абдулагатов, 2004, с. 147]. Кроме того, этническая идентификация явно возобладали над идеей мусульманской солидарности. Поход салафитов на Дагестан был воспринят местными жителями в первую очередь как чеченская агрессия, и члены ИДД сразу же оказались в их глазах пособниками агрессора и национальными предателями¹². Словом, интеграционный потенциал ислама оказался гораздо слабее, чем рассчитывали радикальные исламисты. В этой ситуации сам Багауддин, оказавшийся младшим, зависимым партнером в геополитической игре чеченских и арабских экстремистов и почувствовавший, насколько негативно подавляющее большинство дагестанцев восприняло экспорт из Чечни исламской революции, принял, вероятно, единственно возможное в его положении решение – уйти в тень¹³.

В подобном контексте взвешенная и продуманная политика официального руководства республики могла бы стать дополнительным рычагом смягчения конфессиональной напряженности. Однако приходится констатировать, что, как на протяжении нескольких лет перед вторжением 1999 г., так и после него, политика властей Дагес-

¹² Такая реакция вполне закономерна. Фактически сразу после начала боевых действий в Цумадинском и Ботлихском районах Исламская Шура Дагестана приняла решение возложить на Басаева обязанности военного амира "Объединенных сил дагестанских муджахидов", а на саму эту структуру – "полномочия руководства Исламским государством Дагестан... до полного вывода российских войск с территории Дагестана". Иначе говоря, фактически первым лицом в провозглашенном мятежниками "исламском Дагестане" стал чеченец Басаев. Уже одного этого было достаточно, чтобы скомпрометировать всю эту затею в глазах подавляющего большинства дагестанцев.

¹³ Он не вошел в самопровозглашенное правительство мятежников и с августа 1999 г. не выступил ни с одним заявлением. С тех пор нет никакой достоверной информации ни о его местонахождении, ни о его деятельности. По одной версии, он умер от болезни в горах Чечни, по другой, более вероятной, он живет в одной из арабских стран и пишет антисуфийские трактаты.

тана по отношению к ИДД в действительности была одним из факторов, содействовавших его радикализации.

Вплоть до окончания первой чеченской войны правительство республики в принципе не уделяло радикальному салафизму особого внимания: Багауддин и его сторонники не вмешивались в системную политику, а проблема их конфликтов с представителями официального духовенства не выглядела приоритетной на фоне острых социально-экономических и этнополитических проблем, буквально раздиравших Дагестан. Между тем ненависть к "ваххабизму", нагнетаемая официальным просуфийским ДУМ, стала не только расхожим стереотипом общественного сознания, но и компонентом государственной политики Дагестана. Когда примерно с 1997 г. салафитское движение заметно активизировалось и политизировалось, власти вместо последовательной и комплексной стратегии противодействия религиозно-политическому экстремизму стали отвечать на какие-либо действия ИДД с основным карательными акциями. Они обычно выражались в провокационном поведении милиции по отношению к членам джамаатов, незаконном ущемлении их элементарных гражданских прав и достоинства. Такая практика "мелких придинок" лишь озлобляла и спланивала ИДД, настраивая его членов на все более антиправительственный и антироссийский лад. Преследования по признаку принадлежности к ИДД подталкивали многих молодых исламистов к отъезду в Чечню, где они, естественно, становились убежденными джихадистами.

Одновременно салафитские активисты видели, что власть оказалась не в состоянии дать решительный ответ на такой действительно серьезный вызов ее авторитету, как появление автономного исламистского анклага в Кадарской зоне. Подписав 1 сентября 1998 г. соглашение с джамаатом этого района о принципах урегулирования кризиса, правительство Дагестана фактически смирилось с новым положением дел, которое Багауддин, как явствует из листовок, распространявшихся в то время на улицах Махачкалы, фактически рассматривал как первый шаг в направлении "разоружения воинов сатаны" и установления в Дагестане "исламского шариатского государства". Естественно, столь "мягкий" подход к проблеме Кадарской зоны и непоследовательная, противоречивая, иногда граничащая с попустительством политика властей по отношению к радикальным салафитам объяснялись целым рядом тактических соображений. Наличие "ваххабитской угрозы" позволяло дагестанским властям успешнее лоббировать свои интересы перед федеральным центром. Сыграло роль и отсутствие четкой команды по поводу карамахинской проблемы со стороны Москвы: поездка Министра внутренних дел России С. Степашина в Карамахи в сентябре 1998 г. была истолкована дагестанским руководством скорее как сигнал не обострять ситуацию. Наконец, карамахинские исламисты были, как и ядро правящей элиты, даргинцами: они все равно оставались для нее "своими" в контексте традиционного даргино-аварского соперничества¹⁴. Однако независимо от всего этого, на уровне обывденного сознания позиция дагестанского руководства воспринималась членами ИДД как признак слабости, на чем умело спекулировали сторонники скорейшего перехода к вооруженной борьбе за власть.

Лишь после вторжения 1999 г. серьезно напуганные власти Дагестана и соседних республик решили, наконец, продемонстрировать силу, развернув, как им казалось, "тотальную войну" против радикальных исламистских группировок. Однако жертвами этой кампании преследований становились не только и не столько действительные экстремисты и участники террористических сетей, сколько обычные верующие, которых отличала строгая набожность или социальная активность. Именно они заполнили значительную часть так называемых "списков ваххабитов", которые были составлены органами МВД Дагестана. Нередко в подобных списках оказывались люди,

¹⁴ Карамахинцы, например, рассматривались как противовес аварскому давлению, в частности осуществляемому через ДУМ, которое в 1996–1998 гг. при муфтии С.-М. Абубакарове начало заметно политизироваться [Макаров, 2000, с. 19–22, 44–46].

вообще не имевшие отношения к религии. По мнению многих местных чиновников, политиков и даже религиозных деятелей – принципиальных противников радикального исламизма, "охота на ваххабитов" стала широко использоваться как способ сведения личных и политических счетов, а также обогащения коррумпированных милиционеров. Широкое применение силовых, карательных методов, в том числе методов коллективного устрашения против исламских активистов оказалось эффективным лишь отчасти. На многих из них это действовало прямо противоположным образом, побуждая мстить представителям власти на месте или же уезжать воевать в Чечню.

Конечно, следует признать, что ряд аспектов репрессивной политики против радикальных исламистов, проводимой в 1999–2000 гг., особенно высылка иностранных миссионеров, закрытие представительств международных исламских благотворительных фондов и продолжение жесткого мониторинга ситуации, помогли хотя бы временно и частично снизить в Дагестане остроту проблемы радикального исламизма. Но ликвидация его социально-политических и экономических корней – задача совершенно иного масштаба, решение которой требует времени и затрат. Предотвращение нового подъема религиозно-политического экстремизма, помимо прочего, невозможно без использования разнообразного инструментария, что, в частности, предполагает более дифференцированный подход к феномену исламистского движения, признанию его неоднородности и наличия в нем различных векторов дальнейшей эволюции.

Радикальный исламизм на перепутье: между терроризмом и прагматической адаптацией

Военно-политическое поражение 1999 г. и разгром большинства салафитских джамаатов силами правопорядка вызвали глубокий организационный и идейный кризис радикального исламизма в Дагестане. Салафитское движение оказалось обезглавлено: прежние лидеры либо погибли в ходе боевых действий, либо бежали из республики, скрывшись в Чечне, других регионах России или даже в странах Ближнего Востока. Сам ИДД перестал существовать как единая организация, распавшись на множество отдельных групп. Из-за жесткого контроля милиции и спецслужб многие прежние активисты фактически отошли от дел. Новых харизматических лидеров, способных сплотить и мобилизовать осколки прежних джамаатов и нового поколения молодых верующих, тяготеющих к салафитским идеям, пока не нашлось. Одним из претендентов на эту роль был бывший глава Союза мусульман России и бывший депутат Государственной думы РФ Н. Хачилаев, но его убили в августе 2003 г. Иначе говоря, от того, кто возглавит нынешнюю деструктурированную и идеологически дезориентированную массу сторонников салафизма, во многом зависит направление дальнейшей трансформации этого движения.

Реально в нем складываются два полюса притяжения. С одной стороны, это ушедшие в подполье небольшие, но фанатично настроенные **группы джихадистов**, для которых события 1999 г. стали еще одним подтверждением антиисламской сущности российского государства и необходимости бороться против него любыми средствами. Этими людьми движет также горячее желание отомстить за товарищей, погибших в боях с российскими войсками, а также за издевательства и пытки, нередко применяемые сотрудниками дагестанского МВД по отношению к подозреваемым в связях с экстремистами. На счету таких групп – многочисленные теракты и покушения на представителей власти, военных и милиционеров, осуществленные в 2000–2004 гг. Подобного рода структуры – по существу, перегруппировавшиеся осколки "внешнего джамаата" Багауддина.

Джихадисты также пытаются восстановить централизованные военно-политические структуры или хотя бы создать видимость их существования. Так, периодически в Дагестане (а также через главный web-сайт чеченских сепаратистов "Кавказ-центр") распространяются воззвания и обращения от имени неких "Джамаата муджахидов Дагестана" и "Объединенного командования муджахидов Дагестана", возглавляемых од-

ним и тем же человеком – амиром дагестанских муджахидов Р. Халиловым¹⁵. Определить реальный политический вес этих нелегальных, хорошо законспирированных структур крайне сложно. Однако очевидно, что они базируются в основном на территории Чечни и входят в наиболее непримиримую часть чеченского сопротивления во главе с Басаевым.

Нетрудно понять, что для членов таких групп высшим смыслом существования и главным в исламе становится вооруженный джихад. Для них малоактуальны идеи внедрения ислама в общество, построения исламского государства, то есть конкретные национальные и локальные исламские проекты, которыми руководствовались "традиционные" исламистские движения. Это фактически новый тип радикального исламизма, лишенный территориальной или национальной привязки и увлеченный лишь тотальной войной с врагами веры. Примеры подобной мутации исламского движения можно обнаружить в Афганистане, Алжире, Египте и других горячих или периодически вспыхивающих точках исламского мира. Именно такой тип исламизма олицетворяет "Аль-Каида", образно называемая французским исламоведом О. Руа "апокалиптической сектой, отколовшейся от политического ислама". По его мнению, специфика этого неофундаменталистского радикализма состоит в следующем: "Движение бен Ладен... никак не связано с реальными социальными проблемами... У бен Ладена нет никакой стратегии захвата власти в какой-либо конкретной стране. Он дает возможность отщепенцам отчаявшимся, но не дает ни надежды, ни альтернативы... Он вызывает к совести мусульманского "народа" с помощью примеров мученичества и морального воздействия атак, направленных в сердце Вавилона наших дней. Однако у него нет никакого конкретного политического проекта и обещаний светлого будущего" [Руа, 2001, с. 76].

Джихадистские группы в Дагестане во многом соответствуют этой социально-психологической характеристике. В то же время они отнюдь не самостоятельны, вторичны и по-прежнему остаются объектами манипуляций различных сторон, преследующих свои конкретные интересы в рамках кавказского геополитического соперничества. Не переоценивая численность и военно-политические возможности таких группировок, следует признать, что в условиях современного Дагестана, особенно пока на территории Чечни продолжается очередная фаза "контртеррористической операции", идеи джихадизма неизбежно будут иметь определенную поддержку, тем более что аналогичная тенденция активно развивается и в мировом исламском движении. Иное дело, что в тактическом плане джихадистские группировки перешли от повстанческих методов борьбы к диверсионно-террористическим акциям. Новым элементом их деятельности стало использование взрывников-смертников, в том числе женщин, хотя это присуще скорее чеченским, нежели дагестанским экстремистам.

Альтернатива такому разрушительному радикализму – **прагматическая адаптация салафитского движения** к существующим реалиям, его "национализация", то есть постепенная интеграция в национальный общественно-политический процесс, подобно тому, как это произошло с некоторыми ведущими радикальными исламистскими движениями и организациями на Ближнем Востоке. Такая, правда, еще слабо оформленная тенденция наблюдается и в Дагестане. Постепенно формируется прослойка молодых образованных исламских активистов, стремящихся критически переосмыслить опыт ИДД 1990-х гг., понять причины провала прежнего исламского проекта и наметить новые, более реалистичные ориентиры для исламского движения в республике¹⁶. Эти люди, тяготеющие к идейному наследию как Ахтаева, так и современного египет-

¹⁵ По данным одного из прочеченских web-сайтов, в 1999 г. во время вторжения в Дагестан он командовал подразделением у Хаттаба, затем его отряд дислоцировался в приграничных с Дагестаном Веденском и Ножай-Юртовском районах, откуда планировались и осуществлялись диверсионные вылазки на дагестанскую территорию. В 2004 г. Халилов был назначен Басаевым командующим "Дагестанским фронтом" чеченского сопротивления [War... 2004].

¹⁶ Отражение таких попыток переосмыслить события 1990-х гг. и катастрофическую политику Багауддина можно найти в интересной диссертации молодого дагестанского политолога А. Мантаева [Мантаев, 2002], а также в статьях, иногда появляющихся в дагестанских газетах, прежде всего в "Новом деле".

ского относительно "либерального" исламского идеолога Юсефа аль-Карадауи, ищут возможности для легальной исламской просветительской, общественной, а в перспективе и политической деятельности в рамках существующего светского государства. Подобного рода факты явно свидетельствуют о стремлении преодолеть жесткие рамки консервативного воинствующего салафизма в интерпретации Багауддина.

Между этими двумя полюсами находятся отдельные, сохранившиеся еще с 1990-х гг., салафитские джамааты в некоторых сельских районах республики. Они не принимали участия в событиях 1999 г., и сегодня, не отказываясь от своих религиозных взглядов, тем не менее вполне мирно сосуществуют в своих селениях с группами сторонников тарикатского ислама. В качестве примеров можно назвать селения Кироваул (Кизилюртовский район), Кванада (Сумадинский район) и ряд других. Члены этих общин, иногда называемых "мирными салафитами", находятся под постоянным милицейским контролем, однако реально никаких противозаконных действий с их стороны пока не зафиксировано [Интервью... 2002; 2003⁶]. Сегодня трудно прогнозировать, в какой степени будет укореняться устойчивая модель мирной интеграции салафизма в дагестанское общество. Некоторые наблюдатели считают, что салафиты, только сменив тактику и затаившись, ждут лишь благоприятных обстоятельств, чтобы снова взяться за оружие. Тем не менее все вышесказанное свидетельствует по меньшей мере о многовариантности дальнейшего развития радикального исламского движения в Дагестане.

* * *

Судя по всему, пик активности радикального исламизма в Дагестане уже пройден. Джихадизм, несмотря на его видимую активность, все больше превращается в маргинальное периферийное течение, которое еще долго будет оставаться более или менее значимым фоновым фактором, тем не менее не имеющим стратегических людских и иных ресурсов для качественного прорыва. Это, однако, не исключает возможности новых эпизодических всплесков радикализации, однако они вряд ли достигнут уровня 1999 г. Что же касается тенденции в исламском движении к интеграции в общественно-политическую жизнь республики, то ее перспективы выглядят достаточно противоречиво. С одной стороны, она обещает смягчить проблему экстремизма, а с другой – может со временем обернуться труднопредсказуемой перекройкой всего политико-идеологического ландшафта Дагестана.

Таким образом, мобилизационный потенциал радикального исламизма уже сегодня довольно четко обнаружил свои пределы. Радикально-исламистский проект не способен ни в настоящее время, ни в перспективе стать объединяющим и стабилизирующим фактором в мозаичном дагестанском обществе, где важнейшими детерминантами политического поведения остаются этничность и клановость. Сам по себе фактор радикального исламизма не может подорвать устойчивость нынешнего политического режима в республике. Впрочем, в случае критического обострения и/или наложения друг на друга социальных, экономических и этнополитических противоречий исламский фактор, увы, может сыграть роль той самой капли, которая переполнит чашу нынешней весьма относительной дагестанской стабильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулагатов З. Российские православные и мусульмане: общие проблемы – разные взгляды // *Общественные науки и современность.* 2004. № 2.

Акаев В. Религиозно-политический конфликт в Чеченской республике Ичкерия // *Центральная Азия и Кавказ.* 1999. № 4(5).

Бобровников В.О. Ислам на постсоветском Северном Кавказе (Дагестан): мифы и реалии // *Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри.* М., 2001.

Видеозапись выступления Багауддина в мечети. Кизилюрт. 1996. 5 января.

Залимханов З.М., Ханбабаев К.М. Политизация ислама на Северном Кавказе. Махачкала, 2000.

Интервью с Мухаммад-Шафи (Джангишеевым), руководителем исламского центра “Кавказ”. Махачкала, 1997. 21 июля.

Интервью с Р., членом джамаата г. Махачкалы. Махачкала, 1998^а. 17 июня.

Интервью с Г. и А., активистами джамаата г. Кизилюрт. Кизилюрт, 1998^б. 29 июня.

Интервью с Ш., членом джамаата г. Кизилюрт. Кизилюрт, 1999. 19 июня.

Интервью с жителями с. Кироваул и работниками Кизилюртовской районной администрации. 2002. Ноябрь; 2003^б. Август.

Интервью с Анзором Астемировым, одним из руководителей Исламского Джамаата Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2003^а. 6 февраля.

Интервью с Мухаммадом Карачаем (Биджи-улу), видным российским исламским деятелем. Москва, 2003^б. 13 октября.

Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000.

Мантаев А. “Ваххабизм” и политическая ситуация в Дагестане. Дисс. канд. политич. н. М., 2002 // http://www.yaseen.ru/files/wahabizm_Mantaev.doc.

Молодежь Дагестана. 1999. 18 июня.

Независимая газета. 1998. 18 августа.

Путь ислама. 1997. № 11–12.

Руа О. Бен Ладен: апокалиптическая секта, отколовшаяся от политического ислама // Конституционное право. Восточноевропейское обозрение. 2001. № 4 (37).

Русская мысль (Париж). 1999. № 4269. 13 мая.

Саидов А. Тайна вторжения. 2001 // <http://lib.baikal.net./koi.cgi/POLITOLOG/saidov.txt>.

Ярлыкапов А. Национальное и религиозное в Ногайской степи / Конфликт–диалог–сотрудничество. Бюллетень № 1. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе. М., 1999. Сентябрь–ноябрь.

Ярлыкапов А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе. М., 2000.

Initiatives and Actions Taken by the Kingdom of Saudi Arabia to Combat Terrorism. 2003. September // www.saudiembassy.net.

War in Chechnya. 2004 // <http://www.geocities.com/chechenfighters/kommanders2.html>.

А. аз-Завахири. Фурсан тахта райят ан-набий (“Воины под знаменем Пророка”). 2001 // <http://www.alshaab.com/GIF/28-12-2001/Zawahri.htm>.